

обобщениям и объяснениям. Все еще боясь историзма даже в форме эволюционизма, они обращаются то к психологическим, то к биологическим детерминантам культуры. В этом лабиринте концепций и логических конструкций типа «ценностей», «функций», «детерминант», вопреки реакционным теориям ученых типа Р. Бендикт, М. Мид, Р. Линтона, К. Клюкхона и др., постепенно прокладывает свой путь истинная историческая наука о человеческом обществе. Начальные этапы ее прослеживаются в проникновении, хотя и медленном, элементов историзма в этнографические исследования ряда буржуазных ученых, в постановке вопроса о прогрессе, о возврате к сравнительному методу. Значительным успехом можно считать преодоление многими американскими этнографами влияния психо-расизма во всех его разновидностях. Это вновь поставило перед этнографами вопрос о том, что же, если не психика, определяет развитие культуры? Ответа начали искать опять-таки «вне исторического контекста» — в понятии «ценности», но и оно остается пока что неопределенным и далеко не надежным критерием истины. Ближайшие годы покажут, куда приведут американских этнографов поиски истины о развитии общества, законы которого с предельной ясностью сформулированы в теории исторического материализма.

Сильное еще влияние идеалистических концепций и предубежденность против марксизма мешают буржуазным ученым в их поисках новых путей научных исследований. Несомненно, что те из них, которые честно и искренне отходят от старой методологии и защищают прогрессивное развитие науки, рано или поздно придут к единственному научному методу — диалектическому материализму. Возможно, что их путь будет напоминать путь, которым пришла к этому методу современная физика, чрезвычайно метко охарактеризованный в свое время В. И. Лениным, писавшим, что современная физика пришла к диалектическому методу «не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом»³⁸.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Народы Сибири. Под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, 1084 стр.

В историко-этнографической литературе о Сибири не было таких капитальных изданий, каким является рецензируемый том «Народы Сибири». В этом коллективном труде систематизирован и обобщен огромный материал. Достаточно указать на то, что этот том содержит очерки по этнографии тридцати одного народа Сибири и Дальнего Востока, очерк этнографии русского населения Сибири и ряд статей общего характера.

Со времени выхода в свет известного труда И.-Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», третья часть которого посвящена народам Сибири, прошло уже более полутора столетия. В продолжение XIX и в начале XX в. появились ценные монографические описания отдельных народов Сибири. В них значительно подробнее, чем у Георги, и по-новому освещаются многие вопросы материальной и духовной культуры этих народов, выявлено и описано много новых фактов, характеризующих их материальное производство, семейный и общественный быт, идеологию. Значительно больший размах и глубину получило изучение прошлого народов Сибири, а также их современного быта и культуры.

Коллектив авторов рецензируемой книги поставил перед собой задачу создать сводный, обобщающий труд, «который подвел бы итоги сделанному и ознакомил бы читателя с этими народами» (стр. 5).

Научное значение этого труда нельзя ограничить рамками сибиреведения. Том «Народы Сибири» входит в большое серийное академическое издание «Народы мира», представляющее собой первую и единственную в мировой этнографической литературе попытку дать сводную и обобщенную характеристику культуры и быта народов земного шара с позиций марксизма. В томе «Народы Сибири» эта задача решается на материале народностей, живущих в условиях советского государственного строя, строящих социалистическое общество. Это придает книге выдающееся международное научное и политическое значение, так как в ней показан опыт грандиозного переустройства жизни народов, в прошлом наиболее отсталых. Здесь особенно ярко выступает ведущая роль Коммунистической партии и ее национальной политики в огромной созидательной работе по развитию экономики, культуры и быта этих народов. Коренные изменения, происходящие в жизни народов Сибири в результате их социалистического раз-

³⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 299.

вития, не могут не вызывать у советского читателя чувства законной гордости за свое социалистическое государство, за деятельность Коммунистической партии и правительства СССР. Несмотря на то, что многие, особенно — экономические сведения о достижениях народов Сибири, о которых говорится в книге, на нынешний день уже несколько устарели, так как процесс социалистического развития идет быстрыми темпами, эти сведения все же дают правильное представление об исторической значимости успехов, достигнутых этими народами в результате строительства социализма.

«Народы Сибири» — труд большого коллектива советских этнографов. Книга состоит из нескольких разделов. Ряд вопросов истории и этнографии народов Сибири вынесен в общие статьи, которые предшествуют собственно этнографическим очеркам. К ним относятся: «Древнее население Сибири и его культура» (А. П. Окладников), «Антропологические типы Сибири» (М. Г. Левин), «Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период» (Л. П. Потапов с участием С. В. Иванова, Г. С. Масловой и В. К. Соколовой). Основное содержание тома составляют этнографические очерки, посвященные отдельным народам. Эти очерки разбиты на две большие группы: «Народы Южной Сибири» и «Народы Северной Сибири и Дальнего Востока»¹. Последнему разделу предпослано введение — «Социалистическое строительство у народностей Северной Сибири и Дальнего Востока» (М. А. Сергеев). Такое выделение общих для истории всех народов Сибири вопросов в особую статью вполне закономерно и удобно для читателя.

Этнографические очерки охватывают следующие разделы: общие сведения (самоназвание, расселение, численность, современное административное устройство, данные о языке и его диалектах), хозяйственные занятия, средства передвижения, поселения и жилища, одежда, пища, социальные отношения, религиозные представления, народное творчество и культура. Указанный перечень разделов свидетельствует о полноте, с которой дана в книге всесторонняя характеристика материальной и духовной культуры народов Сибири. Надо заметить, что те или иные разделы очерков освещаются, конечно, не с равной полнотой, что определяется степенью изученности данного вопроса и, отчасти, объемом самих очерков. Тем не менее все очерки дают достаточное представление об уровне и специфике культуры народов Сибири в прошлом и, что особенно важно, о тех глубоких подлинно революционных преобразованиях во всех областях жизни этих народов, которые произошли после Великой Октябрьской социалистической революции. Лаконично, но убедительно изложены заключительные разделы очерков, в которых рассказывается о современном состоянии экономики, быта и культуры народов Сибири. Эти разделы можно в известной мере рассматривать как подведение итогов достижениям во всех областях хозяйственной и культурно-политической жизни народов Сибири за сорок лет существования Советской власти. Фотографии, чертежи, рисунки (около 400, из них большая часть — сводные таблицы) и четыре карты, приложенные к книге, помогают читателю наглядно представить себе многие моменты как прошлой, так и современной жизни народов Сибири.

В этом большом интересном труде, заслуживающем положительной оценки, не во всеми положениями авторов этнографических очерков и отдельных общих статей можно безоговорочно соглашаться. В вводных статьях, например, имеются спорные, недостаточно аргументированные положения, не всегда излагаются существующие в нашей науке различные точки зрения на те или иные общие вопросы и т. д.

Во введении (от редакции), которым открывается том, даны общие сведения о населяющих Сибирь народах. Это введение вполне соответствует своему назначению, однако на отдельных его положениях все же следует остановиться. Укажем на то, что авторы введения, говоря о классификации народов Северной Азии по языковому принципу, применяют термин «палеоазиатские языки». Правда, термин этот, иногда в кавычках, иногда без кавычек, еще довольно часто применяется в литературе (обычно со ссылкой на Л. Шренка), однако лучше было бы обойтись без него. Дело в том, что Л. Шренк говорил об обитающих на североазиатской окраине «народах-особняках», к которым, кроме вымерших омоков, шелагов, аринов и других, он относил гилаков (нивхов), айнов, камчадалов (ительменов), коряков, чукчей, юкагиров, чуванцев, алеутов, эскимосов и кетов (енисейских остяков). «Возникает мысль — писал он, — что это — лишь остатки некогда более многочисленных, распространенных и разветвленных племен, так сказать, выходцы пластов более древней этнографической формации... до тех пор, пока лингвисты не открыли каких-либо родственных отношений их к другим племенам, я предложил бы, с историко-географической точки зрения, соединить их в одну группу, под названием палеоазиатских... народов»². Такое более или менее условное объединение народов по историческому принципу, а тем более во времена Л. Шренка, было допустимо, что никак нельзя сказать в отношении объединения языков

¹ В раздел «Народы Южной Сибири» включены статьи «Буряты», «Якуты», «Алтайцы», «Хакасы», «Тувинцы», «Западносибирские татары», «Шорцы», «Тофалары»; в раздел «Народы Северной Сибири и Дальнего Востока» — статьи: «Ханты и манси», «Ненцы», «Нганасаны», «Энцы», «Селькупы», «Кеты», «Эвенки», «Долганы», «Эвены», «Негидальцы», «Нанайцы», «Ульчи», «Удэгейцы», «Орочи», «Ороки», «Нивхи», «Юкагиры», «Чукчи», «Эскимосы», «Коряки», «Ительмены», «Алеуты».

² «Об инородцах Амурского края». Сочинение Л. Шренка, т. I, СПб., 1883, стр. 256—257.

в общую палеоазиатскую группу, так как многие из них принадлежат к различным семьям и ничего общего между собою не имеют.

Нам представляется недостаточно оправданным деление народов Сибири на народы Южной Сибири и на народы Северной Сибири и Дальнего Востока. Сами авторы введения отмечают, что в основу принятого ими деления положен принцип не этнический, а историко-культурный, который правильнее было бы назвать историко-хозяйственным. «Огромную территорию Сибири,— читаем во введении,— можно было в недавнем прошлом разделить на две большие области: южную — область древнего скотоводства и земледелия и северную — область промыслового охотничье-рыболовецкого хозяйства и оленеводства. Границы этих областей не совпадали с географическими границами ландшафтных зон» (стр. 12). Не совпадают эти области и с этническими границами. Непонятно также, почему, например, якуты отнесены к народам Южной, а ненцы — к народам Северной Сибири, хотя и якуты и ненцы живут на севере Сибири. Известно к тому же, что предки современных ненцев немногим ранее предков современных якутов оказались в Северной Сибири. Как видно из этого, такой принцип деления народов Сибири не всегда обоснован и потому может считаться весьма условным.

Спорным представляется обобщенное определение во введении «дохристианских религиозных народов Сибири» как «шаманизма». Шаманство — не религия, а определенный тип культовых действий и приемов, отнюдь не единообразных у народов Сибири, существующий в условиях развитого анимизма, но не обязательно ему сопутствующий. Взятое в целом, шаманство не составляет единого и особого мировоззрения, без которого немислимо представление о религии.

Статья «Древнее население Сибири и его культура», написанная на археологическом материале, весьма интересна, но в отличие от других общих статей тома дает несколько одностороннее освещение этой темы. Автор А. П. Окладников не стремится познакомить читателей с существующими гипотезами (например, о путях заселения Сибири в древности и др.), а ограничивается в основном изложением собственных взглядов. В главе «Первоначальное заселение Сибири человеком» автор разбивает точку зрения, согласно которой древнейшие обитатели «проникли к берегам Байкала из Восточной Европы в конце ледникового времени, в солютрейское и мадленское время, принеся сюда и свою оригинальную культуру арктических охотников верхнего палеолита» (стр. 28). Он предполагает, что для более раннего времени (мустье — ориньяк) «вполне вероятно, что обширные пространства, лежащие к востоку от Урала, ... оставались еще безлюдными» (стр. 22). Последнее предположение находится, однако, в противоречии с приведенным им здесь же указанием на «грубые массивные отщепы и остроконечники, обнаруженные в древних галечниках около аула Канай на Иртыше в северо-западном (восточном? — И. В., В. Ч.) Казахстане, которые, как считает автор, могут быть «отнесены ко времени, предшествующему верхнему палеолиту», а также с его ссылкой на мустьерский остроконечник, найденный М. В. Талицким на р. Чусовой, имеющий, как известно, сибирский облик (стр. 21—22). Автору следовало бы оговориться, что его гипотеза о заселении Сибири пока еще не пользуется общим признанием, и подробнее познакомить читателя с другими точками зрения (М. Г. Левин, О. Н. Бадер). Так, О. Н. Бадер, в противоположность автору статьи, основываясь на данных палеогеографии, палеозоологии и ботаники и исходя из времени существования ледникового барьера между Европой и Азией к северу от Каспия, приходит к совершенно иному выводу, который, как он пишет, «не позволяет согласиться с гипотезой А. П. Окладникова о заселении Сибири в верхнем палеолите из Европы»³. Кроме того, что дискуссионность вопроса о заселении Сибири совершенно очевидна, упоминание о монголоидности обитателей Бурети находится как раз в противоречии со всем построением автора.

Несколько ниже, говоря о своеобразии каменной индустрии верхнего палеолита Сибири, автор отказывается от теории, выдвинутой в свое время в объяснение этого явления им самим и Г. П. Сосновским, и отклоняет теорию Л. Савицкого и Н. К. Ауэрбаха. Первые два автора «видели в переходе от одной культуры к другой выражение непрерывного эволюционного подъема древних сибирских племен» (стр. 32). Л. Савицкий и Н. К. Ауэрбах хотели видеть здесь только выражение прямого влияния культур глубинной Азии, «в частности палеолита Монголии и Китая» (стр. 32). Отвергая обе точки зрения, А. П. Окладников решает, что в «действительности невозможно прямым эволюционным путем вывести из инвентаря и специфической отжимной техники обработки камня Мальты и Бурети типы орудий и технику их изготовления, характерные для стоянок последующего времени» (стр. 32). Но с этим в противоречии находится утверждение на той же странице: «изучение памятников сибирского палеолита, как и палеолита Восточной Азии, показывает, что здесь наблюдается резко своеобразный... путь развития... нетрудно увидеть, что из первичных, недостаточно еще оформленных

³ О. Бадер, Каменный век на Урале, «Доклады научных конференций Молотовского государственного университета», вып. 1—4, Молотов, 1948; см. его же, Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных, «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950; его же, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, «Ученые записки Молотовского государственного университета», т. IX, вып. 3, 1953; его же, Некоторые проблемы первобытной истории Урала, «Ученые записки Молотовского государственного университета», т. XI, вып. 3, стр. 46—52.

по типу крупных скребловидных изделий, характерных для таких поселений, как Мальта и Буреть, постепенно вырабатываются четкие по форме и законченные по их техническим особенностям орудия «архаических» форм, о которых говорилось выше» (стр. 33).

В главе о неолите Сибири отдельные области освещены неравномерно. Описание одних перегружено деталями, о других сказано лишь несколько слов. В результате общая картина неолита Сибири получается недостаточно ясной. Нельзя согласиться с сообщением автора, что в нижнем Приобье в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры (неолит? — *И. В., В. Ч.*), на керамике появляются «меандронидные узоры, сходные как с шигирскими Урала (? — *И. В., В. Ч.*), так и с орнаментикой степной андроновской культуры» (стр. 49). В указанное время орнаментация этого типа на керамике исчезает, а не появляется. Приложенная к этой главе карта неолитических культур Сибири вызывает ряд вопросов. Так, под № 5 на ней указана «обская культура». По каким данным автор наметил территорию ее распространения? Что представляет отдельное пятно «обской культуры» на Енисее, к которому идет стрелка через непроходимые водораздельные болота? К сожалению, об этом ничего не сказано, как и о стрелках, идущих с территории средненеленской культуры через Хатангу на Енисей и от нижнеленской культуры через Таймыр и полуостров Ямал в Байдаракскую губу.

В главе «Бронзовый век» нам кажется спорным утверждение, что «культура андроновского времени выросла из афанасьевской» (стр. 52), а ее в свою очередь сменил «следующий этап развития культуры бронзового века», представленный «памятниками карасукского типа» (стр. 55). Схема эта в настоящее время большинством специалистов отброшена. Да и сам автор, ссылаясь на Г. Ф. Дебеца, пишет о проникновении андроновского антропологического типа в юго-западную Сибирь из степей Казахстана и о том, что «таким образом, основная область распространения андроновской культуры и андроновских племен находилась в степях Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана, тогда как в Минусинском районе было лишь самое восточное окраинное ее крыло» (стр. 55).

Мы не касаемся ряда других спорных положений этой статьи, в частности развиваемых автором взглядов о происхождении тунгусских народов. В этом вопросе А. П. Окладников расходится с М. Г. Левиным, автором статьи об антропологических типах Сибири.

Переходя к следующим разделам тома, следует особо остановиться на большой обобщающей статье, посвященной русскому населению Сибири. Появление этой статьи надо приветствовать прежде всего как первую попытку в нашей этнографической литературе дать сжатый очерк о русских в Сибири.

Название «Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период» несколько уже содержания очерка. Почти одну треть его занимает раздел «Открытие и освоение Сибири». Давая хронологическую канву постепенного присоединения Сибири, авторы раскрывают прогрессивное значение для местного населения включения в состав централизованного Русского государства. Вместе с тем они отмечают некоторые противоречивые моменты этого процесса. Особенно существенно замечание авторов статьи о том, что не все социальные слои местного населения добродетельно относились к переходу в русское подданство. «Царевичи Кучумова рода, — пишут они, — джунгарские ханы и тайши, телеутские и киргизские феодалы были активными вдохновителями и организаторами вооруженных нападений и восстаний против русских в Западной и Южной Сибири» (стр. 128). Несомненно, эти феодалы были заинтересованы в непосредственной и безраздельной эксплуатации трудовых масс местного населения. И с этой точки зрения их поведение понятно. Однако в очерке не мотивировано поведение некоторых групп народностей Крайнего Севера (эвенки, юкагиры, чукчи), оказывавших сопротивление продвижению русских отрядов и обложению местного населения ясаком. В своем общественном развитии они еще не достигли классовообразования и не имели политических объединений. Следовательно, их сопротивление нельзя ставить в один ряд с сопротивлением джунгарских ханов, тайш и т. п. Трактовка авторами статьи этого вопроса нам кажется спорной: «Местное население первоначально не относилось к землепроходцам как к завоевателям и покорителям», оно видело в них людей, при посредстве которых можно было «наладить обмен с русскими, чтобы получать различные необходимые товары», в первую очередь железные изделия (стр. 120). Такое утверждение дано слишком обобщенно для всей Сибири, хотя бы только для начального периода проникновения сюда русских. Известно немало русских документов от XI до XVII в., в которых содержатся факты, свидетельствующие об упорной борьбе некоторых групп местного населения против русских и против объединенных единоплеменников. Историческая картина этого времени в Сибири была, по-видимому, намного сложнее, чем это показано в данном очерке. До прихода русских отдельные племенные группы Крайнего Севера находились в состоянии бесконечных военных столкновений. Многие из тех, которые подвергались нападениям со стороны более сильных соседей, искали у русских защиты, и казаки охотно шли на это, так как эти племенные группы становились подданными России, начинали вносить ясак и содействовали продвижению казаков, давая им своих проводников и транспорт. В то же время более сильные группы, преимущественно тундровые оленеводы и степные кочевники, которые раньше нападали на соседние слабые племена и держали

их в страхе, выступали против русских и преследовали объясненных соседей. Видимо, этим и нужно объяснить те многочисленные жалобы ясачного населения на неясачных единоплеменников и соседей, которые нападали на них, грабили их имущество и чинили другие насилия. Прекращение этих военных столкновений было одним из весьма положительных факторов налаживания мирной жизни местного населения при посредстве Русского государства. Наконец, некоторые другие, более сильные лесные племена или, по крайней мере, их вожди, как, например, Алачевы на Оби, находили для себя выгодным вступать в союз с русскими и принимать участие в их походах.

В отличие от довольно распространенной в нашей историко-этнографической литературе точки зрения о том, что Сибирь была покорена «огнем и мечом», авторы данного очерка излагают несколько иные взгляды по этому вопросу: по их мнению, процесс включения Сибири в состав Русского государства в основном носил мирный характер, при сочувственном в общем отношении к этому со стороны местного разноплеменного населения. Такая точка зрения, конечно, заслуживает внимания. Однако мы считаем, что эти взгляды еще недостаточно подкреплены фактическим материалом. Поэтому едва ли можно считать этот важный вопрос истории Сибири, который нуждается в дальнейшем специальном исследовании, решенным.

В очерке дается хорошо подобранный материал, всесторонне характеризующий культуру русского населения Сибири, в основном — крестьянства. Интересны данные, отображающие разнообразие материальной культуры крестьян, переселившихся в Сибирь из разных губерний России. Авторы поступают правильно, подчеркивая глубокую культурную связь русского населения Сибири и центральных губерний России, с одной стороны, и связь их с культурой коренного населения Сибири, — с другой. Приводятся яркие и убедительные примеры, рисующие положительное влияние культуры русского народа на коренное население Сибири. Вместе с тем справедливо отмечаются и культурно-хозяйственные заимствования русского населения у местных жителей и т. п. Непонятно, почему весьма интересный историко-этнографический очерк русского населения Сибири ограничивается дореволюционным временем. Нужно было его продлить до наших дней.

Мы оставляем вне разбора обширные и, насколько мы можем судить, весьма содержательные статьи по народам Южной Сибири и остановимся на разделе, посвященном народам Северной Сибири и Дальнего Востока. Этот раздел открывается содержательной статьей М. А. Сергеева «Социалистическое строительство у народностей Северной Сибири и Дальнего Востока». Автор последовательно приводит проникнутые глубокой заботой о малых народностях Севера решения Коммунистической партии и Советского правительства. Особенно подробно автор останавливается на мероприятиях по организации самоуправления, по административно-судебному устройству районов Крайнего Севера, по развитию национальной культуры малых народностей Севера и общему подъему их политической сознательности. М. А. Сергеев сумел показать, насколько была гибкой, подлинно демократической и гуманной политика Коммунистической партии в вопросах национального строительства, начиная с первых шагов Советской власти на Севере. Здесь и деятельность Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при президиуме ВЦИК, тут и показ замечательных учреждений — культурных баз, которые призваны были стать центрами переустройства хозяйственно-культурной жизни народностей Севера, и др. В этой статье читатель найдет специфические моменты социалистических преобразований хозяйства народностей Крайнего Севера — от организации простейших производственных объединений (ППО) до колхозов в форме товариществ и артелей. В области культурного строительства отмечается весьма важное мероприятие, которое было осуществлено в начале 1930-х гг. — создание письменности на ряде языков народностей Севера. Автор статьи, несомненно, прав, когда пишет: «Исторический путь народов Севера, переживших в условиях победы пролетарской революции грандиозный скачок от архаических форм хозяйства и общественной организации к социализму, знаменует собой торжество марксистского учения о судьбах отсталых народностей в условиях социалистической революции и победы пролетариата» (стр. 569).

Жаль, что автор этой интересной статьи, довольно подробно характеризуя советское, хозяйственное и культурное строительство на Крайнем Севере в период до Великой Отечественной войны, ограничился общими замечаниями, применительно к послевоенному времени. Дать более подробную характеристику хотя бы основных моментов культурно-хозяйственных мероприятий в послевоенное время на Крайнем Севере следовало бы потому, что за это время партией и правительством был принят ряд весьма важных решений по организации хозяйства, административному устройству и развитию культуры в районах Крайнего Севера. Статья была бы еще более значимой, если бы М. А. Сергеев показал читателю искания, неудачные отдельные опыты, ошибки, которые имели место в ходе социалистического строительства на Крайнем Севере, и те мероприятия, которые проводились партией и правительством для их изживания.

Очерки, посвященные отдельным народностям Северной Сибири и Дальнего Востока, заслуживают положительной оценки. Не говоря уже о широком круге читателей, даже специалист найдет для себя здесь много ценного и интересного, так как большинство очерков содержит новый, никогда не публиковавшийся материал.

Хотя все очерки написаны по одному плану, однако авторская индивидуальность прослеживается в манере изложения, в более подробном описании тех или иных этнографических особенностей данного народа и т. п. Редакторы поступили, как нам кажется, правильно, предоставив авторам возможность расширить и углубить отдельные разделы очерков. Некоторые из них («Нанайцы», «Ненцы» и др.) выгодно отличаются от других тем, что в них затрагиваются отдельные сложные проблемы. Многие очерки представляют собой не только сводку имеющихся материалов по этнографии данного народа, но и самостоятельные исследования и обобщения с соответствующими выводами. Несмотря на ограниченность места, большинству авторов удалось успешно справиться с поставленной перед ними задачей — дать очерк этнографии прошлого и показать особенности материальной и духовной культуры данного народа в советское время.

В некоторых очерках вслед за общими сведениями дается историческая справка, включающая вопросы этногенеза и некоторые сведения по истории XVII—XIX вв. Как правило, этногенетические вопросы рассматриваются в очерках, посвященных наиболее многочисленной народности из данной языковой группы. Так, в статье о ненцах говорится о происхождении самодийской группы народностей.

Не все положения об этногенезе некоторых групп народностей можно принять безоговорочно. Так, вызывают сомнения лингвистические материалы, которые привлечены в очерке «Ненцы», и, соответственно, выводы, построенные на них. Здесь языковые материалы используются для подкрепления гипотезы о том, что особенные черты, специфические для населения полярной зоны, в частности для древних морских зверобоев, появились у современных самодийских народов, вероятно, в результате смешения их саянских предков с древнейшими насельниками полярной зоны, которых они застали здесь. «В эскимосском, чукотском и корякском языках, — пишет автор очерка, — существуют слова, совпадающие с соответствующими терминами современного ненецкого языка, относящиеся именно к той части словаря, которая охватывает характерные только для полярной зоны явления. Так, нерпа по-ненецки няк, а по-эскимосски — нэ-сак, полярная куропатка по-ненецки хабэвкó, по-чукотски — хабэв, передняя часть малицы, ниже капюшона, по-ненецки духу, по-нгансански глухая одежда вообще называется лу, а по-корякски — лху (льку) — корень слова, обозначающего всякую одежду» (стр. 611). Рассмотрим эти примеры. По-эскимосски нерпа (акиба) называется «ных'сяк'»⁴. Сопоставляя это слово с ненецким «няк», нетрудно заметить, что материальное сходство этих слов не больше, чем с русским словом нерпа: и в том, и в другом случае (в ненецком и эскимосском, в ненецком и русском) совпадает только начальный согласный *н*. Таким образом, сопоставление ненецкого «няк» с эскимосским «ных'сяк'» явно необоснованно. В чукотском языке куропатка называется рэвмэрв, а не хабэв, как это утверждается в разбираемом очерке. Так как в чукотском языке нет такого слова, этот пример не может подкреплять предположение о смешении предков современных чукчей с саянскими предками ненцев. Корень слова, обозначающего всякую одежду, по-корякски «лыгулг» (лыголт)⁵, а не «лху» (льку), как полагает автор очерка. Ненецкое «лху» и корякское «лыгулг» имеют весьма отдаленное сходство. Как нам представляется, единый источник происхождения слов может быть доказан только в том случае, если такие примеры будут не единичны, если будут прослежены определенные закономерности, которые возникают при заимствовании слов одного языка другим (фонетические соответствия и т. п.), или будут даны исторические доказательства этих заимствований. В рассматриваемом очерке никаких мотивированных оснований для сопоставления ненецких слов со словами из эскимосского, чукотского и корякского языков нет. Таким образом, лингвистическая аргументация в пользу смешения саянских предков ненцев с эскимосами, чукчами и коряками оказывается неубедительной.

Вызывает возражения излишне решительное утверждение в очерке «Чукчи», что вопрос о происхождении чукчей неразрывно связан с проблемой «происхождения эскимосов» (стр. 899). Несколько ниже на той же странице без всяких оговорок предлагается другое, хотя и не такое категорическое утверждение: «Если учесть очень большую близость чукчей и коряков и по культуре и по языку, можно предположить, что область формирования чукотско-корякской группы лежала южнее современной территории их расселения». Нужно добавить, что до настоящего времени чукчи и коряки остаются весьма близкими друг к другу как по языку, так и по культуре, во всяком случае ближе, чем к эскимосам. В этой связи представляется спорным утверждение, будто имеются черты общности в эскимосском и чукотском языках. Эти языки типологически и материально совершенно различны. Можно говорить лишь о весьма ограниченном круге общей лексики (около 100 слов) и общих морфологических показателях (менее 10), которые встречаются как в чукотском, так и в диалектах корякского и в языке азиатских эскимосов (чаплинский диалект). Эти явления по всей вероятности возникли не в результате «неразрывной связи происхождения чукчей и эскимосов» (которой, как мы полагаем, не было), а в результате длительного контакта этих народностей. На это справедливо указывается в очерке «Эскимосы»: «Археологические, этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что история азиатских эскимосов тесно связана с историей чукчей» (стр. 934).

⁴ Г. А. Меновщиков, Эскимосско-русский словарь, Л., 1954.

⁵ Г. М. Корсаков, Нымыланско-русский словарь, М., 1939.

Вряд ли была необходимость в издании такого типа, как «Народы Сибири», опровергать гипотезу «эскимосского клина» В. Г. Богораза, которая давно уже никем не защищается.

Вызывает сомнение правильность утверждения, будто антропологические данные также свидетельствуют об общей основе формирования чукчей и эскимосов. Вероятно, можно и должно говорить о чертах физического сходства чукчей и азиатских эскимосов (а не вообще эскимосов), учитывая многовековую историю совместного проживания этих двух народностей на крайнем северо-востоке Азии, а также процессы взаимной ассимиляции, которые наблюдаются и по настоящее время. И так, ни лингвистические, ни антропологические данные (других в этом очерке не приводится), как мы полагаем, не дают оснований говорить об «общей основе формирования чукчей и эскимосов».

Наиболее полно в очерках освещена материальная культура каждого народа. обстоятельно характеризуются отдельные ее стороны. В результате ознакомления с этим разделом у читателя получается детальное представление об особенностях материальной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Это представление было бы еще более отчетливым, если бы в этих очерках не встречались некоторые неточные определения и формулировки.

Встречаются и отдельные фактические ошибки, например: «При дальних поездках на оленях женщины (у манси и хантов.— *И. В., В. Ч.*), как и мужчины, надевали малицу и гусь» (стр. 387). Это справедливо в отношении зырян-ижемцев, но неверно для манси и хантов. «... Ружья были самых устарелых систем — шомпольные и кремневые» (стр. 668) — все кремневые ружья заряжались с дула, т. е. были шомпольными. Неверно и следующее утверждение: «Потребление собачьего мяса характерно для народностей, занимавшихся собаководством» (стр. 850). Многие северные народы, занимающиеся собаководством, не употребляют в пищу мясо собак, и, наоборот, ряд народов юга Азии, которые не занимаются собаководством, употребляют это мясо. «Луки в старину были простые плоские и сложные выгнутые» (стр. 856). Разница между простым и сложным луком состоит в том, что простой лук делается из одного куска гибкого дерева, тогда как сложный — склеивается из полос разных пород дерева и дополнительно усиливается сухожилиями, роговыми пластинками и т. п.

К книге приложены: списки основной литературы, включающие около 1000 названий, и указатель географических, этнических названий и имен (всего свыше 4000 терминов и имен). Следует отметить, что глоссарий (стр. 1017—1021) не исчерпывает многообразия местной лексики, которая встречается в отдельных очерках; почти во всех очерках остается некоторое число местных терминов и слов без пояснений. Читатель испытывает неудобство и от того, что местные термины не имеют отсылок к глоссарию.

Несмотря на отмеченные нами отдельные недостатки и дискуссионность некоторых положений остается в силе положительная оценка рецензируемого фундаментального тома, вышедшего в серии «Народов мира». Научная и общественная ценность книги «Народы Сибири» не вызывает сомнения. В мировую литературу о народностях Сибири внесен большой вклад. Этот вклад принадлежит советским ученым, осуществляющим трудную и благородную задачу — дать читателю объективное научное представление о культуре и быте современных народов земного шара, в том числе и тех народов, которые вышли на путь построения коммунистического общества.

И. С. Вдовин, В. Н. Чернецов

М. Ломова. Етнографічна діяльність І. Франка. Под ред. К. Г. Гуслистого. Изд. АН УССР, Киев, 1957, 119 стр.

Бывают люди, которых природа так щедро одарила многогранным талантом, что не только современники, но и последующие поколения долго не могут охватить всего значения их деятельности.

Таким был революционер-демократ Иван Яковлевич Франко. Кажется, все свои огромные творческие силы он посвятил тому, чтобы все знать о жизни народа, все изучить, понять и рассказать другим.

Советские ученые, вооруженные передовой марксистско-ленинской методологией, проделали большую работу по изучению и популяризации наследия великого сына украинского народа. Мы знаем Франко не только как первоклассного писателя-реалиста и выдающегося общественного деятеля, отдавшего всю свою жизнь борьбе за светлое будущее угнетенного народа, но и как замечательного ученого с огромной эрудицией. Известно, что И. Франко был историком, экономистом, философом, педагогом, литературоведом, критиком, публицистом, исследователем и издателем украинского народного творчества. Однако еще и сегодня мы знаем далеко не все о нем, и нашим исследователям-франковедам предстоит еще сделать многое. Одним из доказательств этого является книга М. Ломовой, в которой она с любовью и научной добросовестностью впервые дала портрет Франко-этнографа. Книга М. Ломовой о Франко-